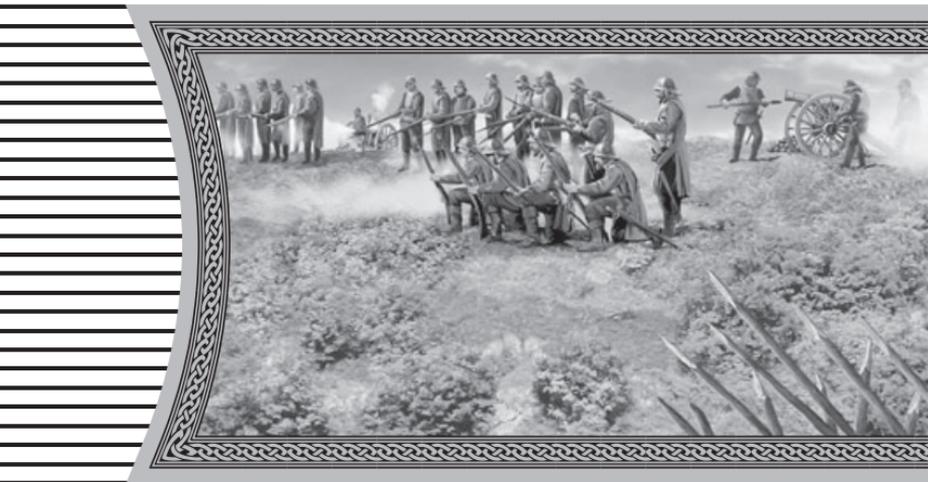

фантастическая
история

МОСКВА, 2018

фантастическая
история

Юрий Корнеев
Леонхард
фон Линдендорф.
Барон

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 2010 году
Выпуск 128

Корнеев Ю.

К67 Леонхард фон Линдендорф. Барон: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 281 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2573-0

Вот повезло так повезло! Уснул туристом в современной Германии, проснулся там же, но в четырнадцатом веке. Вокруг творится нечто, но ясно одно: тебя собираются убить! А ты не простой человек, ты барон, хоть и юный, да еще и раненый. Ты сеньор людей, что окружают тебя, и отвечаешь за них. И они погибнут вместе с тобой. Потому что это их долг, а твой долг — защитить их. Тогда прочь ненужные сейчас рассуждения и переживания и вперед, в бой! И еще. Похоже, это навсегда. Всю жизнь придется драться за свою жизнь и жизнь близких тебе людей. Ну так и дерись. И все у тебя будет: и друзья и любовь.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Юрий Корнеев, 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2573-0

ГЛАВА 1

Я очнулся от боли. От сильной боли. Болело все, но больше всего голова. Что за черт!.. Вроде вчера не пил — кружка пива не в счет. Почему тогда так голова болит? В голове какие-то дурацкие мысли бродят. Отстояли ли мы замок? Какой замок? От кого мы его должны отстоять? В голове какая-то муть. То ли я Юрий Леднев, то ли Леонхард фон Линдендорф. Какой Хард, какой такой Дорф?.. Ничего не могу сообразить. А все из-за жуткой головной боли. Может, траванулся чем? Ох уж эти хваленые немецкие колбаски... А больше я и не ел ничего. Выпил кружку пива с колбасками и лег спать. Ну да, мне же завтра, вернее — уже сегодня в Голландию ехать, а за рулем я сам, так что особо не развернешься. Полицейские тут юмора не понимают, да и самому жить еще не надоело: улететь куда-нибудь на сумасшедшей скорости — верная смерть, никакие подушки безопасности не спасут. Но что же все-таки случилось? Я наконец решил попросить воды: может, кто услышит. Но из горла вырвался лишь хрип. И тут же у меня над ухом кто-то заорал:

— Господин барон, господин барон, вы живы?! Курт, Курт, господин барон очнулся!

Мою голову приподняли и дали мне наконец напиться. Фух, немного полегчало. И кто у нас барон? Не по его ли милости я в таком состоянии? Я попытался приподняться. Кто-то мне помог, и я привалился спиной к стене. Мне мокрой тряпкой обтерли лицо, и я смог открыть глаза. Передо мной на коленях с мокрой тряпкой в руке стоял бородатый мужик со зверской рожей. Появился еще один и присел передо мной на корточки. Этот выглядел поприличнее. Но почему-то весь был в железе. На нем одет хуберк — это такая кольчуга с длинными рукавами и капюшоном, поверх хуберка — простенькая

бригантина, тоже доспех, в виде жилетки. На ногах кольчужные чулки. На голове небольшой шлем хирнхаубе в виде детского горшка, но, правда, без ручки. На поясе меч в ножнах. С другой стороны — длинный кинжал. Да, дядя неплохо упакован. Такой прикид стоит немалых денег. Я такое видел в Мюнхене в музее на манекене средневекового риттера. Это из-за реконструкторов, что ли, я в таком состоянии? Хотя на реконструктора дядя совсем не похож. Он вообще на современного немца не похож, а я ведь сейчас в Германии. Современные немцы — мягкие и пушистые. Даже бритоголовые у них какие-то очень уж цивилизованные. А у этого в глазах смерть. Ну ничуть не сомневаюсь — если что, он достанет свой нож-переросток и переполовинит живого человека, даже не поморщится. Куда же это я попал?

— Что здесь происходит?.. — проскрипел я.

— Горожане сняли осаду и ушли, — ответил мужик в кольчуге — по-видимому, тот самый Курт.

— Не понял...

— А что здесь непонятного — они с утра притащили кулеверину и жажнули из нее. Вот вы с вашим батюшкой под этот залп и угодили. Вас, видно, контузило, вон на шлеме вмятина. Хорошо что под стеной телега с дровами стояла, на нее вы и свалились. Если бы на камни двора — точно убились бы. А вот старому барону не повезло — его... насмерть. Так что принимайте командование, господин барон. Теперь вы хозяин замка. А горожане ушли, когда увидели, как мы приспустили знамя в знак траура. Видно, посчитали, что вас обоих убило. Ну, они ж видели, как вас двоих со стены картечью снесло... Вот и ушли. Пошли праздновать, отрывжки дьявола. А завтра утром вернутся и разграбят замок.

— Как это?

— Ну как же — они ведь думают, что вы оба мертвы. А раз вы мертвы, то нам защищать замок уже нет смысла. Мы ведь клялись в верности вашему батюшке, старому барону, и вам. Вот они и решили, что мы сами к вечеру уйдем. В общем-то правильно решили. Если бы и вы погибли, то мы бы ушли. Но теперь с утра их ждет сюрприз.

— Выстоим?

— Нет, конечно. Но хоть заберем с собой в могилу побольше этих собак.

— Иди, я пока подумаю.

Так, похоже, это все всерьез. Мои глаза меня обмануть не могут. То, что я вижу перед собой, Германией 2017 года быть не может. Единственное, что мне знакомо, — это донжон замка. Именно в нем и был тот отель, в котором я остановился на ночь. Только каких-то пристроек не хватает, и стены не было. Да и не разглядел я ничего толком — приехал-то уже в темноте. Значит, меня из двадцать первого века притащило сюда. А «сюда» — это куда? Судя по экипировке Курта — век четырнадцатый или пятнадцатый. Нехило. Вот и съездил в отпуск в Германию. Предлагали же друзья ехать с ними на Кипр. А я уперся. Германия, Германия... Вообще-то я несколько раз уже был в Германии, в командировках. Но что там увидишь? Аэропорт — отель — завод — отель — аэропорт. Вот и решил погулять по немецким городам. Вот и погулял.

Вообще-то я москвич. Нет, родился я в южном городе еще во времена Союза — отец там служил. А вот школу закончил уже в Москве. Успел побыть и октябренок и пионером, а вот комсомольцем уже не довелось. И служил я уже в армии РФ. После армии закончил институт и устроился на хорошую работу в солидную фирму благодаря друзьям по армии. Где и дорос за одиннадцать лет до главного энергетика. Семьи нет. Вернее, была, но — не сложилось. Родителей уже, к сожалению, тоже нет. Так что я, как говорят мои друзья, эгоист-одиночка. Может быть, и так. Хотя вряд ли — одиночество как раз меня иногда сильно угнетает. Поэтому и поехал один в Германию. Нет, не потому, что одному побыть захотелось. Просто друзья поехали к теплому морю с семьями. Что бы я там один среди них делал? Вот так и оказался здесь. Сначала неделю болтался по Мюнхену, потом три дня в Нюрнберге. А затем решил сгонять в Голландию. Взял машину напрокат и поехал. Ехал не спеша. Не доезжая Дуйсбурга, в Рурской области, решил переночевать, а утром отправиться дальше. Вот и переночевал...

Ладно, думаем о том, как из этой задницы выбираться. Так, похоже, память Леонхарда фон Линдендорфа никуда не делась. Вон как шустро я на старонемецком балаболю. Если б я говорил на современном мне немецком, который я неплохо знаю, фиг бы меня кто здесь понял. Язык я знаю, как меня зовут, знаю. Что еще я помню? Да, в общем-то, все. Сейчас 1376 год от Рождества Христова, конец июня. То-то солнышко припекает. Нахожусь я и в самом деле в замке Линдендорф. И я барон фон Линдендорф, и мне принадлежит вся округа с

деревнями и хуторами. И этот злосчастный город тоже принадлежит мне. Чисто номинально, а на самом деле — черт его знает. Папаша натворил делов, фиг разберешься. Во-первых, он сдал в аренду две железнорудные шахты. Вернее, сдал в аренду еще мой дед, но он эту аренду продлил еще на десять лет. Во-вторых, он сдал в аренду и третий рудник на только что найденной богатой железной жиле. И все — бургомистру города. В-третьих, он продал почти все наши привилегии в городе. На время, конечно, но все равно. Город-то частносеньюоральный, так как стоит на нашей земле, и статус города ему даровал мой дед. Но все в городе принадлежало нам: и суд, и сбор налогов, и многие другие мелочи. У города было только право гражданского суда, ну и сбор кое-каких пошлин в пользу города. А папаша почти все продал. А почему? Потому что пил много. Нет, его, конечно, можно понять: было четверо детей, жена красавица, а потом раз — и остался только один младшенький, да и то какой-то не от мира сего. Это я о себе. Вернее, о Леонхарде.

Я и в самом деле отличался от своих братьев. Железками махать не любил, пить вино не любил, охотиться не любил. Всему этому меня, конечно, учили, но я этого не любил. Больше всего я любил сидеть в библиотеке и читать книги. Да, я ботан. А как мне им не быть, если меня собирались сделать церковнослужителем? А тут раз — и старший брат погиб в одной из войнушек нашего графа с соседним графом. И главное, погибло-то всего человек шесть с обеих сторон, я имею в виду рыцарей, простых-то кнехтов покروшили немерено. Но кто ж их считать будет? А вот рыцарей погибло всего шестеро, и среди них мой брат. Потом от какой-то болячки умерли другой старший брат, сестра и мать. Что за болячка? Кто ж его знает. Сейчас от простой простуды люди мрут как мухи. А я вот выжил. И отец выжил. Но он в это время был в очередной раз на службе в осте¹ у графа.

Когда он вернулся, то с горя запил. А на вино нужны деньги. Не будет же настоящий барон пить какую-нибудь дешевую кислятину или плебейское пиво. Хозяйство совсем забросил. Пока рядом был старый управляющий, баронство еще держа-

¹ Военная служба вассала своему сеньору в течение 40 дней в году. Повинность эта соблюдалась не всегда. Можно было отдать деньгами, а то и просто пренебречь, если сеньор не очень силен. — *Здесь и далее примеч. авт.*

лось. Но после того как управляющий стал отговаривать папашу от сдачи в аренду последнего, третьего рудника, тот отправил его куда-то в деревню, с глаз долой подальше. Но деньги быстро кончились, и папаша стал требовать денег с города. Грозился вернуть все городские привилегии себе. И даже пригрозил бургомистру отобрать у него рудники. Вот тут гром и грянул. Такого бургомистр — а заодно и богатейший человек города, да что там города — всего графства, местный олигарх, так сказать, — стерпеть уже не мог. Городок-то у нас металлургический. Большая часть жителей занимается именно металлом. А железо в нынешнее время ох как недешево. А со всех трех рудников денежки шли бургомистру. И аренду он платил копейчную. Вот после этой угрозы горожане на нас и навалились. Чья это затея была — понятно. Не простых же горожан. Какая им разница, кто будет собирать налоги — барон или бургомистр? Или кто их судить будет «по уголовке» — сеньоральный суд или магистральный?

Но что случилось, то уже случилось. А вот что мне делать? Остаться в замке? Так утром придут горожане, поставят свою кулеврину напротив ворот, жажнут пару раз и вынесут их ядрами. А потом нас просто массой задавят. Удрать из замка? И куда я денусь в свои четырнадцать лет? Да-да, мне всего четырнадцать. Вернее, мне-то, Юрию, как раз тридцать шесть, а вот Леонхарду — четырнадцать. И он несовершеннолетний. И что интересно, рыцарем он, вернее — я могу стать в пятнадцать лет, а раньше вообще можно было с двенадцати. Правда, сейчас стараются опоясывать рыцарским мечом после совершеннолетия, то есть с двадцати одного года, но, в принципе, все же могу. Но даже став рыцарем, все равно останусь несовершеннолетним, и каждый будет стремиться стать моим опекуном. А что, очень удобно. Становишься опекуном, потом опекаемый случайно падает с лестницы или ему кто-нибудь горло перерезает — и ты уже барон. Да за мной вся округа гоняться будет. Нет, не для того чтобы обидеть, а наоборот — пожалеть и обогреть. Ну и опекуном стать. Рвануть к графу? Так он сам мне опекуна и назначит. Какого-нибудь своего родственника. Как будто у меня своих мало. Да и не смогу я удрать. Сразу дружины лишусь. За трусом они не пойдут. Остаться в замке и погибнуть они могут, а вот бежать за трусливым мальчишкой — нет. Ну, правильно, кому они после такого нужны будут? Время такое. Трусость не прощают. Ну что ж, если нельзя

отсидеться в обороне и нельзя отступить, то остается одно — нападать.

— Курт, сколько у нас людей осталось?

— Восемь погибло, шестеро в лазарете — за ними отец Магнус присматривает, наш замковый капеллан, и тридцать шесть — в строю. Половина ранены, но драться смогут. Еще двенадцать слуг, что с нами на стенах были. Остальные по щелям попрятались.

— Понятно. А что сейчас горожане делают, как думаешь?

— Понятно что — празднуют.

— Где и как?

— Понятно где — на городской площади. И как — тоже понятно. Пивом наливаются. Бургомистр им, наверное, еще и пару бочек вина выкатил. Так что пьянка у них там знатная.

— А городские ворота открыты или закрыты?

— Ясно, открыты. Чего им бояться? День на дворе.

— Вот что, Курт. Людей покорми, и после обеда выступаем. Нечего расхляпываться, а то попадаю все с усталости. Потом отдохнем. И еще. Слуг, что были на стене, вооружи и экипируй. Если чего не хватит в замковом арсенале, возьми с убитых и раненых. Потом все вернем. Пойдем конными.

— Куда пойдём-то? — с тоской спросил он.

— Как куда? На город. Это моя собственность, и я должен ее вернуть.

Он аж подскочил. Глаза засверкали, рот в улыбке до ушей. Ведь, считай, на смерть веду, а он доволен.

— И еще. Все делай тихо. Наверняка где-то наблюдатель сидит. Должен же кто-то сообщить бургомистру, что вы убрались из замка. Поэтому сначала пойдём в сторону Берга, а за холмами повернем к городу. Троих, самых израненных, оставь в замке, на воротах. Иди разберись с людьми. И распорядись, чтобы мне что-нибудь поесть принесли.

— Так, может, вы в замок пройдёте?

— Нет, там я свалюсь сразу. Лучше здесь посижу.

Курт ушел, и минут через пять мне принесли миску каши с кусочками мяса и кружку какого-то компота. Есть я вроде и не хотел, но кашу смолотил за минуту. Потом сидел и пил компот.

Так, до города всего километров пять. Вернее, один раст — это где-то четыре с половиной километра. На лошади, неспешной рысью — примерно полчаса. Но мы, как и всякие нормальные герои, пойдём в обход. Потратим на десять минут

больше, но для горожан это будет большим сюрпризом. Ну а там как повезет. Или грудь в крестах, или голова в кустах. Хотя, думаю, все получится. Викинги вон одной сотней целые государства захватывали. Ну, насчет государств точно не помню, но Париж они захватывали, и не один раз. И в Лондоне отметились. А у Франции целое герцогство оттяпали. Так теперь и называется — Нормандия. И Сицилию вроде захватили и создали Сицилийское королевство. А мне надо захватить маленький городишко. И трех тысяч жителей не наберется. Тем более город и так мой. Мне надо его просто вернуть. А потом уже буду думать, как от родственников и соседей отбиться. Пока что город — это наибольшая опасность...

— Ваша милость, люди готовы, — прервал мой отдых Курт. Он протянул мне руку, и, оперевшись на нее, я поднялся. — Вот ваш шлем, наденьте. Я его подправил немного, так что должен налезть.

Он протянул мне топфхелм. Ничего себе... и эту бандуру я должен таскать на голове? Ну уж нет. Хотя при въезде в город, конечно, надену. Голова-то у меня одна. Тем более ей сегодня и так досталось. Правда, досталось не мне, а Леонхарду, и он, похоже, этого не пережил, но я теперь тоже Леонхард, так что голову будем беречь, и даже очень тщательно беречь. Я осмотрел себя. На мне тоже был хоуберк. Но вязка у кольчуги более аккуратная, чем у доспеха Курта. И бригантины не было. Ну да, с моим тщедушным тельцем мне только бригантину и таскать... Сразу загнусь. И кольчужных чулок не было. На мне были надеты узкие брюки из толстого полотна, так называемые брэ, и мягкие полусапожки с длинными острыми мысками. Хоть не очень длинные, и то хорошо, а то некоторые модники имеют мыски туфель или сапог до полуметра длины. Идиоты. Вообще-то у меня прикид не для войны. Понятно, в бой меня пускать не собирались. Но теперь-то подраться придется. И меч у меня — какой-то недомерок. Вроде не очень длинной шпаги. Зато не тяжелый. Сойдет. Я все-таки собираюсь руководить, а не железкой махать.

Наконец мы сели на лошадей и выехали за ворота замка. А верхом я держусь очень даже хорошо. Не хуже остальных. Молодец Леонхард. Хотя я и есть теперь Леонхард. Тогда молодец я. Черт, ну и имечко мне родители подобрали. Хрен произнесешь. И вообще, насмешка какая-то. Леонхард — сильный как лев. Это я-то, со своим субтильным телосложением, сильный как лев? Да уж. Но с этим и в самом деле надо что-то

делать. Слишком уж Лео себя запустил. С таким слабосильным телом долго не протянешь. Как утрясется все, обязательно займусь.

Проскакав по дороге метров триста, мы повернули направо и двинулись в сторону графства Берг. Когда-то графство Берг и наше, Марк, были одним графством, но потом как-то получилось два. С тех пор они постоянно собачатся — хотят друг друга подмять. Хотя иногда и дерутся вместе. В 1288 году в битве при Воррингеме они очень здорово накостыляли архиепископу Кельнскому с союзниками. Правда, Берг уже не графство, а герцогство Юлих-Берг. Молодец мужик. Захотел стать герцогом — и стал. Не получилось с нашим графством, так он в 1348 году присоединил графство Юлих. И императору пришлось уже по факту, в 1356 году, объявлять его герцогом. Правда, как звать мужика — не помню. А ведь он еще, наверное, жив и правит своим герцогством. Вот только попадаться ему мне нельзя. Этот сожрет меня с моим баронством и не подавится. Только облизнется и скажет: «Еще хочу». Такому на все имперские законы, да и рыцарские тоже, плевать. Вот и мне надо таким стать. Чтобы не я всех боялся и от всех шарахался, а чтобы от меня шарахались и даже не думали гадости делать. Постараюсь. И стану. Если раньше не прибьют...

Тем временем мы подъехали к городу. За холмиком, метрах в пятистах, или по-здешнему — клафтерах в двухстах, были городские ворота. Открытые ворота! До чего же наглые, скоты.

— Курт, объясни всем: врываемся в ворота и несемся к площади. Там рубим всех. Женщин и детей постарайтесь не трогать, но без фанатизма — как получится, так получится. Главное, чтобы наши все целые остались. А бургомистра и членов магистрата возьми живыми.

— Зачем они вам, господин барон? Порубить, и все.

— А вешать кого будем? Нет, наказание должно быть публичным. Готовимся. Пошли четверых ребят пошустрее к воротам. Если стража у ворот есть, пусть не дадут их закрыть. А потом — вместе с нами.

Через пять минут к воротам не спеша, шагом, направилась четверка всадников. Через несколько минут они въехали в ворота. Через минуту один из них помахал нам рукой. Ну, вперед. Посмотрим, на что ты способен, Лео-Юрий. Жив останусь — буду только Леонхардом.

Вот и ворота. Еще пять минут — и мы врываемся на площадь. Галопом. А тут идет веселье вовсю. Играет музыка, тан-

цуют люди. Так это вы мою смерть празднуете! Я взмахнул своей шпагой. А-а-а!.. Дальше не помню. Очнулся сидя на ступеньках ратуши. На коленях обнаженная шпага. Сам весь в кровище. Меня начало трясти. Подошел Курт и протянул мне бокал:

— Выпейте, господин барон. Вам сейчас надо.

Взял бокал и начал пить. Вино. Кислое, аж зубы ломит. Наверное, то, что бургомистр горожанам выкатил, но мне как раз к месту и ко времени. Выпил бокал, и сразу полегчало.

— Еще?

— Нет, Курт, хватит. Спасибо. Как у нас тут?

— Все нормально, господин барон. Наши все целы. Горожан много покروшили, человек семьдесят мужиков. И пяток баб.

— Баб? Баб — это плохо. Кто мне кнехтов рожать будет? Будут бабы — будет все, не будет баб — не будет никого и ничего. Не экономный ты человек, Курт.

Я немного помолчал, переводя дух.

— Ты хоть предупредил людей, чтоб не лезли в дома горожан? А то ведь побьют их там.

— Предупредил, конечно.

— Хорошо. Что с членами магистрата?

— Сидят все в ратуше, голубчики. И бургомистр с ними.

— Это хорошо. Кулеврина где?

— Да вон же она. — Он кивнул головой вправо, мне за спину.

На площадке, возле дверей, стояла очень симпатичная пушечка. Вернее, не стояла, а лежала на деревянной колоде. Я встал и подошел к ней. Ну что ж, очень даже неплохо. Я боялся, что она собрана из прокованных железных полос, а она литая. Из бронзы. Это хорошо. Значит, кто-то в городе может лить пушки. Это просто замечательно. Правда, именно эта не ахти. Калибр миллиметров сто, длина ствола — калибров в семь-восемь. Судя по длине ствола, бьет она не очень далеко. Картечью — метров на сто, сто пятьдесят максимум. И то если картечь железная или свинцовая, а не речная галька, которой нас с отцом приложило. А вот ядро и на двести может закинуть. Если ядро будет нормальное.

— Кузнеца, что отлил пушку, найдешь и закроешь в подвале, чтоб не сбежал. Завтра утром приведешь ко мне. А сейчас пойдем пообщаемся с нашими гостями. Да, пока не забыл. Отправь кого-нибудь в замок предупредить, что город наш.

И пусть там пошлют за нашим старым управляющим, Гюнтером Вальдером. Знаешь, где он?

— Знаю.

— Завтра с утра он нужен мне здесь. Пойдем.

Мы вошли в ратушу и поднялись на второй этаж. В приемной сидели пятеро индивидуумов. Хороши. Особенно бургомистр. Шоссы ярко-красные, котта ярко-зеленая, сюрко синее. И все из расшитого золотом бархата. А гультфик — оранжевый и торчит сантиметров на сорок. Ну и бархатные туфельки, с тридцатисантиметровыми загнутыми вверх острыми носами. Как они держатся-то? Вот ведь попугай. И это он хотел меня убить? И убил моего здешнего отца? Папаша, конечно, был не ангел, но такого не заслужил. Я указал пальцем Курту:

— Бери этого, и пойдем разбираться.

Я вошел в кабинет. Следом Курт толкнул бургомистра. Надо же, когда сидел, вид имел более благообразный. А сейчас даже смотреть на него противно. Маленький, толстый, с заплаканными глазками... Я указал на стул возле стола. Курт усадил его и привязал к стулу.

— Курт, освободи ему левую руку, положи ее на стол и придержи.

Тот сделал, что я просил.

— Вот что, свиное рыло. Слушай меня внимательно. Зачем ты устроил бунт, я спрашивать не буду — и так знаю. Зачем хотел убить нас с отцом — тоже. Даже не буду спрашивать, за сколько ты купил моих вассалов. Мне это все не интересно. А вот где ты прячешь свои деньги, мне интересно. И сейчас ты расскажешь мне о своих тайниках.

Он только нагло усмехнулся. Ну-ну... Я вынул шпагу из ножен и рубанул по его руке. Хотел отрубить мизинец, но не рассчитал и отхватил еще половину безымянного. Бургомистр заверещал.

— Ну? — И я вновь поднял шпагу.

Тут он и заговорил. Рассказал о всех своих тайниках. И в доме, и в саду. Ну, не о всех, конечно, не такой уж я наивный. Это Лео ему бы поверил, а я все-таки наши девяностые прошел. Хоть и мальцом был, а много видел. Записал все на листке бумаги свинцовым карандашом, который нашел тут же, на столе. А хорошая бумага — богато жил, гад. Так-то дефицита бумаги здесь особого нет, но вся она какая-то серая, шероховатая, а у этого жлоба чуть ли не мелованная.

— Все сказал?

— Все, все, господин барон!.. — закивал он головой, зажимая обрубки пальцев. Зачем? Лучше уж умереть от потери крови, чем быть повешенным.

— Твои близкие сидят здесь же, в подвале. Я сейчас спущусь к ним и спрошу их как следует. И если ты что-то утаил, то висеть вам завтра всем вместе.

— Нет, нет, не надо! Я вспомнил еще об одном тайнике... Вот зараза. Небось самый жирный утаил.

— Курт, возьми эту свинью и отведи в подвал. Да не сам, а крикни кого из кнехтов. И пусть найдут писаря и отправят к нему. А ты, бургомистр, продиктуешь ему имена всех тех, кто участвовал в бунте. Слышал? — Он закивал головой. — Иди, Курт. На обратном пути прихвати кого из членов магистрата. И ребят своих, понадежнее — по тайникам пройдутся.

Они вышли. А я уселся во главе стола. Проверил ящики. Один был закрыт. Достал кинжал и вскрыл его. В ящике лежали мешочки с монетами. Развязал горловину у одного. Ого — золото. Любекские гульдены. Это я удачно зашел... Да, бургомистр потерял все нажитое непосильным трудом. Прямо как Шпак. Закинул мешочек в ящик и закрыл его. Завтра Гюнтер приедет и разберется.

Вернулся Курт и привел одного из членов магистрата. Вообще-то из рассказа бургомистра я уже знал, что все члены магистрата были против нападения на замок. Но они и не воспрепятствовали этому, а ведь могли. Могли выйти, объяснить людям, переубедить их. Да хотя бы для своего прикрытия постановление приняли, что они возражают против бунта. Нет, ничего не сделали. Только сказали на заседании магистрата, что они против, и все. Вот на то, что он был против бунта, сейчас и напирал этот член — старшина цеха кузнецов-оружейников.

Сейчас все ремесленники объединены в цеха и гильдии. Да и не только ремесленники. Есть, например, гильдия торговцев, трактирщиков. Даже у золотарей есть свой цех. У нас в городе больше всего цехов кузнецов. Целых три: цех оружейников, цех ювелиров и цех кузнецов, изготавливающих разную бытовую дребедень. Нет, любой кузнец сможет выковать нож или скобу, но так как цеха разные, то от кузнеца-оружейника не добьешься изготовления замка, а от ювелира — простенького ножа. Нельзя. Для себя ему сделать можно, а на продажу нельзя. Глупо, конечно, но не мне менять правила и порядки средневекового общества. Со временем все само утрясется.

Вообще-то такое обилие кузнецов характерно только для нашего района. У нас вокруг залежи железных руд, поэтому весь район специализируется на выделке железа. Только в моем, не очень большом баронстве три рудника. А так их тут полно. А железо сейчас в цене. В большой цене. И тем более изделия из него. За один хороший меч можно приобрести полдеревни. А уж если меч в комплекте с доспехами, то и всю целиком, и не маленькую. Правда, и меч и доспехи должны быть хорошими. Не то, что деревенский кузнец из дрянного железа выкует, а из стали и сделанные с высоким качеством. А сталь сейчас очень дорога. Ее сейчас получают долгой и упорной проковкой обыкновенного железа. Правда, кое-где уже должны научиться и выплавлять сталь. Но все это в очень мизерных количествах.

Вот это я и постараюсь исправить. Я, правда, ни разу не металлург, но кое-какое представление об этом имею. Много читал об этом. И даже с большим интересом читал. Глубоких знаний у меня, конечно, нет, но кое-что я все-таки знаю. Во всяком случае, конструкцию и сыродутной печи, и штукофена, и блауфена, и домны, и даже бессемеровской печи я помню. Память у меня и в прежнем теле была хорошая, а уж у Лео она вообще отличная. Недаром он ее оттачивал, постоянно просиживая в библиотеке. Правда, я не знаю самого процесса выплавки металла, так только, по краям. Это настоящий металлург знает и режим плавки, и разные там флюсы и присадки. Да как и в любой профессии, там полно разных мелочей, о которых получаешь представление только в процессе работы, на практике. А без этих мелочей сделать ничего нельзя. Это для опытного и знающего специалиста мелочь, а для человека, в этой области ничего не знающего, — это уже не мелочь, а что-то из области фантастики. Вот для этого мне и нужен настоящий профессионал. И я даже знаю, где его взять. Тот, кто в настоящее время смог отлить такую пушечку, что стоит у дверей ратуши, — просто талант. И я этот талант подгребу под себя, любимого. Барон я или не барон? С моими знаниями и его опытом и талантом мы завалим Европу и железом и сталью. Во-первых, это деньги, и очень большие деньги. А во-вторых, имея хорошую сталь, я буду иметь качественные и надежные пушки и мушкеты. И тогда мне ни одна сволочь, обвешанная железом, не будет страшна. Баронство у меня, конечно, небольшое, но пару мушкетерских рот я сформировать смогу. А с поддержкой десятка, а то и двух десятков пушек —

это будет по нынешним временам настоящая мощь. Завоевать кого-нибудь с такими силами я вряд ли смогу, да и не очень-то и надо, а вот отважить непрошенных гостей от своих земель уже сумею...

Так, ладно, пора заняться делами.

— Курт, встряси из этого и остальных все сведения о тайниках. Сможешь?

— А то.

— Хорошо. Потом вытащишь писаря от бургомистра, и пусть они все уточнят списки бунтовщиков. И в подвал их. До завтра. Завтра судить их буду. Все найденные деньги сложишь здесь. Приедет Гюнтер и разберется. Распорядись, чтобы мне принесли поесть. И найди здесь какой-нибудь закуток, где бы я смог отдохнуть. Да, кузнеца нашли?

— Нашли. Сидит в подвале.

— Хорошо. Действуй.

Курт открыл дверь и вызвал одного из своих бойцов. Дал ему указание и вернулся к допросу, а боец подошел ко мне:

— Пойдемте, ваша милость.

Он проводил меня в соседний кабинет. Я сел за стол, и мне тут же принесли тарелку с большим куском жареного мяса и кусок хлеба. И здоровенный бокал с вином. Я отхлебнул из бокала. Хорошее вино. Добрались, наверное, архаровцы до винных подвалов местных купцов. Два кнехта притащили широченную лавку и накрыли ее медвежьей шкурой. От вида столь уютного ложа у меня глаза стали сами собой закрываться, но я все-таки доел мясо. Правда, вино не допил. Успел еще снять кольчугу и сапоги — и завалился на лавку. И сразу отрубился.

Утром проснулся рано. Очень удивительно. Дома я рано вставал с трудом. Будильник был моим злейшим врагом. А тут встал в такую рань — солнце еще не взошло — и чувствую себя прекрасно. Ну не то чтобы совсем — все-таки приземление со стены на телегу с дровами дает о себе знать, но не так чтобы очень. Ну и голова слегка побаливает, но совсем слегка. Да, организм хоть и худосочный, но крепкий. Надел сапоги и хауберк и вышел из комнаты. У двери стояли два кнехта. Молодцы, охраняют. Узнал у бойцов, где санузел. Они долго не могли понять, о каком таком санузле я твержу, но наконец разобрались. Обыкновенный нужник. Унитазов, конечно, не было, но дырки в полу были. И то хорошо. А вот умыться было негде. Двое бойцов так и ходили за мной. Велел одному из них принести ведро с водой. Потом вышел через черный ход из ра-

туши в небольшой дворик и умылся. Надо было видеть лица этих кнехтов. Они, видно, сочли меня сумасшедшим. Вообще-то, отношение ныне к мытью в Европе строго отрицательное. Не у всех, конечно. Только-только закончилась эпоха крестовых походов на мусульманский Восток. А там, глядя на местных, рыцари приобрели привычку мыться. Правда, она не очень-то распространилась по Европе, и виновата в этом была церковь. Она считала тело лишь временным сосудом для души и почему-то была уверена, что чем хреневее этому сосуду живется, тем легче будет потом душе попасть в рай. Отсюда все эти умерщвления плоти, вериги, истязания себя и других. Но не только церковь виновата в том, что вокруг все сплошь грязнули. Так, в одном современном медицинском трактате написано: водные ванны утепляют тело, но ослабляют организм и расширяют поры, поэтому они могут вызвать болезни и даже смерть. И что эти горе-доктора могут рекомендовать своим пациентам? Правильно — жить в грязи. Они и живут. Так, в недалеком будущем король Франции Людовик Четырнадцатый мылся всего четыре раза в жизни. И это король... А испанская королева Изабелла Кастильская хвасталась тем, что мылась всего два раза в жизни — при крещении и перед свадьбой. Но это будет потом. А пока к мытью относятся еще более-менее лояльно. Но в основном аристократия. Хотя церковники и стараются все это, по их мнению, безобразия прекратить. К сожалению, в конце концов это им удастся. И скоро в Европе совсем прекратят мыться. Но пока еще жива память о ближневосточных банях и мыльнях, поэтому, думаю, на костер меня за мытье не потащат. Хотя лет через сто точно бы потащили. Но зато простой народ как не мылся, так и не моется. Поэтому воняют все вокруг зверски. Хотя я как-то к этому спокойно отношусь — видно, нос Лео к такому привык. Честно говоря, насколько я помню, Лео тоже был не любитель мыться. Мылся он в лучшем случае раз в месяц, и то по строгому настоянию отца. Понятно, почему бойцы столь очумело на меня поглядывали, особенно после того, как я разделся по пояс и стал не только умываться, но и по-настоящему мыться. Хотя какое уж там мытье — холодной водой и без мыла. Но папаша молодец, уважаю. Придется на уважение воли отца теперь и ссылаться. Под это дело можно заставить и других мыться. А если подвести под это, что мытье защищает от болезней, то можно многого добиться. У людей еще свежа в памяти страшная эпидемия чумы 1347—1353 годов, так что, думаю, мне многие поверят.

Правда, эпидемия Германию, можно сказать, пощадила. Если в Южной Европе погибло до половины населения, то в Германии — десять—пятнадцать процентов. Но все равно ужас тех лет и здесь хорошо помнят.

Умывшись, я снова вошел в ратушу и направился в кабинет бургомистра. Там, на лавке, дрых Курт. Только я вошел, как он сразу вскочил.

— Где деньги? — спросил я.

Он встал и прошел к противоположной от входа двери, точнее — небольшой дверке. Открыв ее, он посторонился. Я зашел и огляделся. Комната была маленькая, но уютная. У стены широкая кровать, напротив шкаф. Посередине стол и четыре стула. Надо же, комната отдыха бургомистра. Знал бы, здесь бы спать улегся, а то пришлось на жесткой лавке. Хотя и выспался очень хорошо. Вся комната завалена мешками, баулами, сумками, пакетами. На некоторых еще оставалась земля. Ну, верно: банкетов здесь нет, так что денежки свои народ хранит в разных тайниках. Нет, сами по себе банки уже есть, но они в крупных городах, да и то в основном в Италии. Ну а мы обходимся без них. Главное, было бы что хранить, а уж где — это мы всегда найдем. Теперь у меня есть что хранить.

Я вышел из моего деньгохранилища.

— Много там? — спросил у Курта.

— Не знаю.

— Гюнтер еще не приехал?

— Нет. Мне бы доложили.

— Поставь перед кабинетом охрану. Как Гюнтер приедет, сразу ко мне. Через пару часов начнем суд в зале заседаний ратуши. Приведи туда наиболее уважаемых людей города, ну и кто желает, пусть приходят. Сколько поместятся. Организуй охрану.

Тут в дверь заглянул кнехт:

— Ваша милость, к вам отец Бенедикт.

Вот ведь не было печали... Только этого святоши и не хватало. Лео с ним часто контактировал, так что он его хорошо знал. Как бы он меня не раскусил. Ладно, буду ссылаться на контузию.

— Пусть войдет.

Вошел священник. Маленький, толстенький, в сутане и с тонзурой на макушке. И тут же подкатился к нам.

— Благословите, отец Бенедикт, — опустил я перед ним на одно колено.

Он перекрестил меня и сунул мне под нос свою руку. Я знаю, что целовать руку священнику не обязательно, тем более здесь, в Германии. Мы ведь не в Италии и не в Испании с ее сумасшедшим католическим рвением. Ну да ладно, пусть подавится. Я коснулся губами его руки. Тьфу, гадость какая... Так и хотелось сплюнуть, но пришлось терпеть. А священник уселся напротив и начал мне втирать о милосердии и всепрощении. Просил пожалеть жителей города и не устраивать массовых казней. Собственно, я и не собирался. Зачем мне убивать своих же людей? Хотя здесь это в порядке вещей и я, по идее, должен был вырезать полгорода. Ведь они убили моего отца, своего сюзерена. Даже если я вырежу весь город, мне никто ничего не скажет. Ну что ж, это даже хорошо, что этот попик ко мне заявился. Теперь всем скажу, что это отец Бенедикт уговорил меня не казнить полгорода. А то ведь не поняли бы. В конце концов он меня уговорил. Я обещал ему никого, кроме бургомистра, не казнить. Священник, довольный, вскочил и выкатился из кабинета. Помчался, наверное, успокаивать горожан.

— Курт, каналья, где ты?

В дверь просунулась голова Курта. Оглядев помещение, он вошел. Вот ведь зараза, сам смылся, а меня оставил на растерзание священнику. Хотя я был доволен. Теперь можно было не зверствовать. Я еще не знал, как мне отправить на виселицу бургомистра. Вчера, еще не отойдя от горячки боя, пальцы рубил я ему совершенно спокойно. Да и голову бы срубил. А вот сегодня... Смогу ли отправить его на казнь? А ведь надо. Если и этого пожалею, то конец моему авторитету. Мягких и жалостливых сейчас не уважают. Ладно, посмотрим.

— Курт, тащи сюда кузнеца.

Минут через пять привели мастера. Невысокий и довольно широкоплечий. Одет аккуратно. Стоит, опустив голову. Понимает, что надо бы грохнуться на колени и молить о пощаде, но сдерживается — гордость не позволяет. Молодец, не сломался.

— Ты отлил кулеврину?

— Я, ваша милость, — тяжело вздохнув, ответил он. Понимает, чем это ему грозит.

— Понимаешь, что я должен с тобой сделать?

Он кивнул и тяжело вздохнул. По идее, я должен его казнить. Ведь из отлитой им кулеврины убит мой отец.

— Я собирался тебя повесить вместе со всей твоей семьей, но, поговорив со своим капитаном Куртом и с отцом Бенедик-

том, решил дать тебе шанс. — Он поднял голову и с надеждой посмотрел на меня. Я специально приплел Курта, чтобы за свое спасение кузнец был благодарен не только Богу, но и нормальному человеку. Священника я таким не считал. — Статус города я отменяю, так что все его жители вновь становятся моими сервами, и ты в том числе. Но если остальные, уплатив штраф за бунт и выкупившись, могут идти куда угодно, то ты будешь работать на меня всю оставшуюся жизнь. И ты и твои дети. Согласен?

— Да, ваша милость, да. — Он усердно закивал головой. Ну еще бы. Всю ночь, наверное, готовился к смерти, и вдруг — помилование.

— Жить можешь, как и прежде, у себя дома. Можешь и в замке, помещение для твоей семьи выделят. Твои мастерские за городом?

— Да, ваша милость, с северной стороны, у реки.

— Ну вот, как раз между городом и замком. Ладно, иди успокой семью и приходи сюда. Сейчас будет суд, а после суда съездим в твои мастерские. Иди.

Ну вот, один мастер у меня есть. Второй сидит в подвале. Член магистрата, старшина цеха оружейников. Раз казнить я его не собираюсь, то грех не использовать его на всю катушку. Хотя посмотрим, как с первым мастером дело пойдет, может, и одного хватит. Ладно, пора на суд. Кузнец умчался, но опять в дверь просунулась голова кнехта. Что еще? Опять какая-нибудь неприятность?

— Ваша милость, приехал Гюнтер Вальдер.

— Давай его сюда.

Вошел не старый еще мужик. Одет простенько, но чисто. Голова наполовину седая. А вот борода аккуратно пострижена. Молодец, следит за собой, хоть и в опале.

— Здравствуй, Гюнтер. Проходи, садись. Есть у меня к тебе дело. Я помню, что ты честно и с умом вел дела баронства. К сожалению, та глупая ссора с отцом вынудила тебя уехать. — Ну да, как будто он по своей воле уехал в деревню... но не будем на этом заострять внимание. — Думаю, рано или поздно отец простил бы тебя. Но, к сожалению, он погиб.

— Сочувствую, ваша милость.

— Ладно, я не об этом. Так вот, Гюнтер, принимай хозяйство обратно. Только оно немного увеличилось. Я собираюсь аннулировать у Людендорфа статус города. Своим бунтом и убийством сеньора они сами меня на это толкнули. Также я

собираюсь конфисковать все имущество бургомистра и членов магистрата, так что это теперь тоже мое. То есть работы тебе прибавится. Да, и придется тебе побыть моим заместителем в городе, пока не подберешь на это место человека. И еще. Там, в комнатке, лежат деньги. Их надо пересчитать. Здесь, в ящике стола, тоже деньги. Забери их. Пересчитай и отвези все в замок. Проведи ревизию нашего нового имущества. Особенно складов бургомистра и старшины цеха торговцев. Приступай.

Мужик сидел и чуть не плакал. От радости, наверное. Надо же, на него столько работы свалилось, а он радуется.

— Да, дом бургомистра я забираю себе, будет моей городской резиденцией. Один из оставшихся четырех возьми себе и один пусть возьмет Курт.

Они оба грохнулись на колени и принялись меня благодарить. Вообще-то заслужили. Уж Курт-то точно. И своей безоговорочной преданностью, и умелыми действиями. Хотя я до сих пор удивляюсь, что мы смогли захватить город. И ведь без всяких потерь, а это уже прямая заслуга Курта. Я-то отключился сразу после начала боя и потом уже ничего не соображал. Ну а Гюнтер получил награду авансом. Да и надо же ему где-то жить, если я его назначил здесь своим заместителем. Хотя Гюнтер и в самом деле хороший специалист и по-настоящему предан баронству. Да и ко мне он всегда относился неплохо. Как и я к нему. Тем более награда эта мне ничего не стоит — не свое дарю. А продать дома сейчас по нормальной цене фиг получится. Так что пусть владеют и меня благодарят.

— А два оставшихся выстави на продажу. Теперь все. Мы на суд. Если хочешь, иди с нами.

— Нет, ваша милость, я лучше сразу приступлю к работе.

— Как хочешь. Все деньги приведи к любекскому гульдену, чтобы голову не ломать. Пошли, Курт.

С деньгами сейчас и в самом деле полная неразбериха. Какие только деньги не ходят по стране. И английские пенсы, и французские су и денье, и голландские, и итальянские, и испанские, и даже арабские. А учитывая, что каждый уважающий себя герцог чеканит свои монеты, разобраться во всем этом разнообразии практически невозможно. Хотя Лео раньше деньгами был не избалован, так что ему простительно, но ведь и матерые купцы путались во всем этом изобилии. Поэтому обычно пфенниги, пенсы и денье принимали по номиналу, а все остальное — по весу.

Мы наконец дошли до зала заседаний. Тут проходили обычно открытые заседания магистрата и суды, конечно. Иногда этот зал арендовали цеха для проведения собственных собраний. Зал был не очень большой, но человек семьдесят в него набилось. Самые уважаемые сидели на скамьях, а остальные стояли позади них. Когда я вошел, все встали. Я сел в кресло в торце зала, на некотором возвышении. Рядом со мной встал Курт. Позади — несколько кнехтов. Немного сбоку сидел за столом секретарь. Рассусоливать мне не хотелось, а хотелось побыстрее пройти к мастерской своего кузнеца. Поэтому решил закончить все побыстрее.

— Бургомистр и члены магистрата где? — спросил я тихо у Курта, повернувшись к нему.

— Ожидают.

— Пусть введут.

Ввели пятерых связанных подсудимых под охраной кнехтов.

— Дай грамоту о предоставлении Линдендорфу статуса города и горящий факел, — приказал я громко Курту.

Курт подал мне грамоту и факел. Об этом мы договорились, пока шли к залу, и Курт заранее все подготовил. Я взял грамоту и поджег ее факелом. Весь зал молча смотрел на это. Но сказать что-то не решался никто, хотя на глазах у многих появились слезы. Понять людей можно. Статус города сейчас — это очень круто. Теряя статус городских жителей, они теряли и свободу. Теперь они вновь мои крепостные, сервы. Это, конечно, не рабы, но и недалеко от них. Но винить некого. Во всем виноваты сами.

— Вы все видели и все поняли, — сказал я громко, — города Линдендорф больше нет. Есть снова деревня Линдендорф. Мой дед, Герхард фон Линдендорф, дал вам этот статус, а мне, его внуку, приходится вас этого статуса лишать. Но виноваты в этом только вы. За бунт и убийство своего сеньора я должен был вас всех сурово наказать. Я так и собирался сделать. Я собирался казнить всех участвовавших в штурме замка и каждого пятого городского жителя. Но отец Бенедикт долго уговаривал меня простить вас, и из уважения к нему и нашей святой церкви я решил его послушать. Повешен будет только бургомистр, который и является основным виновником произошедшего. Семья его отправится в мои деревни батраками к крестьянам. Имущество его будет конфисковано. У членов магистрата также все имущество конфисковывается, а сами они отправятся

по деревням, работать на земле. Но виноват весь город, и я должен наказать всех. Поэтому решение мое такое: все жители бывшего города, а ныне деревни Линдендорф в течение одного года должны мне выплатить штраф в размере десяти гульденов. Участники штурма замка — двадцать гульденов. Оружейники, что снабдили бунтовщиков оружием, облагаются штрафом в тридцать гульденов. Податные списки всех жителей моей деревни есть, так что увильнуть от штрафа не сможет никто. Расскажите всем, кого здесь нет. Об этом моем решении будет также говорить в течение трех дней глашатай на площади. Моим наместником в Линдендорфе становится мой управляющий Гюнтер Вальдер. Все.

Я встал с кресла и вышел из зала. Курт и моя охрана последовали за мной.

— Курт, распорядись, чтобы бургомистра вздернули.

— А вы, господин барон, не будете присутствовать?

— Вот еще, время терять из-за какого-то козла.

— Слушаюсь, ваша милость.

— И приведи ко мне бывших членов магистрата, хочу с ними пообщаться.

Я прошел в кабинет бургомистра. У дверей стояли два кнехта. Это правильно, мою сокровищницу надо охранять. Открыв дверь, вошел внутрь. По всему кабинету были расставлены мешки с деньгами. Гюнтер сидел прямо на полу и пересчитывал деньги. Он поднял голову и затуманенным взглядом посмотрел на меня. Я потихоньку вышел из кабинета. Пусть работает. Приказал кнехтам никого сюда не пускать, а всех, кто ищет меня, отправлять в комнату, где я провел ночь. Только сел за стол, как пришел Курт с бывшими магистратскими. Черт, когда же я смогу просто посидеть и подумать... Мне бы денек посидеть, понять, что же со мной произошло, сделать какие-то выводы, составить наконец какой-то план действий. Пусть не долгосрочный, а хотя бы на год. Да хотя бы на месяц вперед. А то все в постоянном цейтноте. Так и ошибок наделать недолго. А ошибаться мне сейчас нельзя. Ошибка в этих условиях может привести к гибели. Чего бы очень не хотелось... Ладно, вернемся к нашим баранам.

Четыре человека стояли напротив меня. Старосты цехов. Оружейников, шахтеров, строителей и торговцев. Бывшие старосты. И бывших цехов. Какие уж цеха в деревне. Все — взрослые люди и наверняка хорошие мастера. И моя задача — сделать так, чтобы все их мастерство суметь использовать. А дабы

трудились они с полной отдачей, надо сделать так, чтобы они этого сами хотели. Из-под палки они много не наработают.

— Ну и что мне с вами делать?

— Ваша милость, мы и в самом деле были против бунта... — начал один из них, вроде старшина торговцев.

— Против были, значит, — перебил я его, — это как? Шепнули друг другу на ушко: «Я против», — и пошли спокойно домой пиво пить? А в это время толпа бунтовщиков отправилась убивать своих сеньоров? Почему вы их не остановили, если были против? Почему не объяснили пагубность их действий? Разве не для этого существует власть в городе? А ведь вы и были этой самой властью.

Они стояли молча, понутив головы. Странно, наверное, это смотрелось со стороны — четверо взрослых, убеленных сединами мужчин и отчитывающий их подросток. Но такие сейчас времена. Я барон, а они простолюдины. Они фактически принадлежат мне. И хотя продать я их не могу — католическая церковь запрещает торговать христианами, но вот убить — запросто. Могу выпороть. Могу поставить на любые работы. Хоть навоз таскать, хоть канаву копать «отсюда и до отбоя». Конечно, было бы глупостью использовать их не по назначению, но, в принципе, могу.

— Хотел я вас повесить вместе с бургомистром, но скажите спасибо Гюнтеру Вальдеру. Именно он уговорил меня не делать этого.

— Разве это не отец Бенедикт уговорил вашу милость простить нас? — удивился один из них.

— Отец Бенедикт просил за всех горожан. И это его обязанность, как служителя Господа нашего Бога. А Гюнтер просил конкретно за вас. Именно из-за вашего мастерства и профессионализма. — Пусть считают себя обязанными не священнику, а одному из моих людей. — Не знаю, какие вы мастера, но профессионалы, видимо, хреновые, судя по тому, как вы справились с управлением городом. Значит, слушайте мое решение: работать так и будете по своей специальности. Даже старшинами останетесь, хотя цехов, как вы понимаете, нет. Пока нет.

— Вы собираетесь вернуть Линдендорфу статус города, ваша милость?

— Может быть. Если его жители сумеют заплатить штраф. Зачем мне столько безземельных крестьян?

В их глазах начала появляться жизнь. Ну вот, теперь можно быть уверенным, что штрафные деньги я получу быстро и полностью. Вернуть себе свободу захотят все жители города. А те, кто не найдет денег, возьмут их в долг у своих более зажиточных соседей и влезут в кабалу уже к ним. Но это не моя забота. А статус города я им верну. Вот городские привилегии — это уж шиш. Хотят играть в свободу, устраивая выборы, — пожалуйста. Уж я-то знаю, что никакая это не свобода. А тот же хрен, который не слаще редьки. А разнесут эту весть они быстро. Уже завтра об этом начнут судачить на каждом углу.

— Продолжим. Работать вы будете как и прежде, но все мои пожелания будут приоритетны, и цену будете обговаривать с моим управляющим. По каждому виду работ. Некачественное исполнение порученных работ буду расценивать как личное оскорбление. Все ваше имущество я конфисковал, так что жилье себе подыщите сами.

— Ваша милость, а можно нам выкупить наши дома?

Я повернулся к Курту. Он стоял с выпученными глазами и красным лицом. Собственно, я и не сомневался, что они не сдадут все свои тайники. Да и у бургомистра — вернее, теперь у его семьи — кое-что наверняка осталось.

— Ладно уж, не кипятись... — И я рассмеялся. Уж очень забавно он выглядел. Потом обратился к этим жучилам: — Можно. Только вот два дома из четырех я уже подарил. На выбор. Один Гюнтеру Вальдеру и один Курту Бруннеру, моему капитану и динстману¹.

— И как же быть? — спросил один из них. Кажется, старшина строителей, Ганс Циммерман. Ну да, как строитель — домик себе отгрохал, наверное, на загляденье и не сомневается, что выберет именно его дом.

— Будете выкупать у Курта или Гюнтера те дома, что они выберут. Или постройте им новые. По вопросу выкупа — к управляющему. А теперь идите успокойте семьи. Завтра с утра жду вас здесь.

Они вышли. Но тут же кнехт доложил, что меня дожидается давешний кузнец. Черт, пожрать не дадут. Уже давно обеденное время наступило. Ладно, на ходу что-нибудь перехвачу. Время терять нельзя. Велел впустить.

— Как тебя зовут? — обратился я к вошедшему кузнецу.

¹ Динстман в иерархии средневековой Германии стоял выше горожанина, но чуть ниже свободного рыцаря. Воинское сословие.

— Хайнц Майер, ваша милость.

— Давай-ка, Хайнц, съездим посмотрим на твое хозяйство. Курт, организуй нам лошадей и охрану. Ты с нами или здесь останешься?

— С вами, конечно.

— Тогда прихвати что-нибудь поесть. По куску хлеба и мяса хотя бы.

— Сделаю, ваша милость.

Мы вышли из кабинета и пошли к выходу из ратуши. Курт куда-то умчался, отдав предварительно какой-то приказ одному из кнехтов. Да, торкнуло мужика неслабо. Насколько я помню, ко мне, вернее, тогда еще к Лео он относился не очень. Не то чтобы плохо, а просто никак. Он просто не мог понять, почему это молодой барон, вместо того чтобы весь день размахивать боевыми железками, сидит в замковой библиотеке. Да еще и ездит за книгами к городскому священнику. Тем более после того, как стал наследником. Да, в общем-то, правильно удивлялся. Нет, книжки читать — это хорошо, но нельзя же себя так запускать. Совсем Лео у нас дохлый. При довольно высоком, по нынешним временам, росте — худосочный жутко. Ну ничего, это мы поправим. А вот Курт, по-видимому, увидел во мне настоящего барона. Ну да, для этого надо было зарубить несколько пьяных мужиков и повесить одного жулика. Но это и хорошо. Так и должно быть.

У входа нас уже ждали три оседланные лошади и четыре конных кнехта. Только мы сели в седла, как примчался Курт и сунул мне здоровенный кусок хлеба с мясом. Мы сразу тронулись. Есть на ходу было не очень удобно, но я съел все до крошки. Кузнец с подозрением на меня поглядывал.

— Тебе не предлагаю. Думаю, ты дома пообедал, а вот нам все некогда. Приходится есть на ходу.

Мы выехали за ворота и минут через пять неспешной рыси были у мастерских Хайнца. Здесь были не только его мастерские. Вдоль реки тут и там дымили трубы плавильных печей других мастеров. Кузнец сейчас не просто кузнец. Он и металлург, и станочник, и торговец. К нему привозят железную руду, а он дает на продажу уже готовое изделие. И это все один человек. Ну не то чтобы один — у хорошего мастера куча подмастерьев и учеников.

Мастерские были окружены высоким забором. Да, сейчас каждый мастер бережет свои секреты как зеницу ока. Здесь патентного бюро нет. Мы вошли в ворота. Участок был довольно

большой — гектаров двадцать. На нем стояли плавильная печь и несколько довольно больших то ли домов, то ли сараев. Цеха, наверное. Я сразу прошел к печи. Ба, штукофен¹. Но какой-то недоделанный. Невысокий, всего метра два — два с половиной, и труба высотой метра два. А так все как на картинке. Мехи небольшие, качаются одним, максимум двумя людьми.

— Сколько железа получаешь за плавку? — спросил я его.

— Триста—четыреста фунтов. Правда, много свиного железа. А остальное приходится долго проковывать.

— Как проковываешь?

— Там у меня молот. Работает от водяного колеса, — с гордостью указал он в сторону сарая у реки.

Молодец, до водяного колеса допетрил. Хотя использование водяного колеса известно с древних времен, взять ту же мельницу, но ведь он приспособил колесо к молоту... Молодец, что сказать.

— Покажи свои станки, — велел я.

Мы прошли в один из больших сараев. В нем стояло несколько станков. Вернее, их подобий. На привычные мне станки эти конструкции совсем не походили. А Хайнц с гордостью мне показывал то сверлильный станок, то токарный. Вообще-то использование станков было известно давно. Еще на рисунках Древнего Египта были изображены станки, например сверлильный. Правда, на станок он не очень-то походил, но ведь и эти конструкции можно принять за станки только приглядевшись, очень хорошо приглядевшись. И желательно, чтобы кто-то, как сейчас Хайнц, объяснил принцип работы.

— А приспособить вал к водяному колесу не пробовал? — спросил я у него. У его станков тоже были колеса на валу, но крутить их должен был человек.

— К водяному колесу? Ваша милость, это же так просто... как я мог раньше не догадаться? — Он стоял с обалдевшим видом и чесал себе затылок. Как-как... простая зашоренность мышления. Все так делают — и я так делать буду.

¹ Штукофен, как и блауофен, — предтеча доменной печи. Но если в домне получали только чугун, то в штукофене — и чугун, и сталь, и мягкое железо. Правда, все отвратительного качества. Чугун вообще только на выброс. Железо и сталь приходилось очень долго проковывать, чтобы выбить все примеси.

Хотя я и сам не уверен, что где-нибудь до этого уже не додумались. Да наверняка. Но меня не интересует это «где-нибудь». Меня интересует «здесь и сейчас».

— Какие у тебя допуски при сверлении?

— Чего?..

— Ну, с какой точностью ты сверлишь?

— На два фута могу просверлить с точностью до одной сотой части дюйма. Но только по мягкому железу или по бронзе. Сверла часто ломаются, сталь плохая.

— Диаметр сверлишь какой?

— Что за «диаметр»?

— Вот ведь деревня... Толщина у сверла какая?

— Самое тонкое сверло — в полдюйма, а самое толстое — в дюйм.

— Ясно. А кованый стальной пруток на три фута просверлить сможешь?

— Нет, ваша милость. Сверло сталь не возьмет. Было бы сверло из хорошей стали, вроде булата, то можно. А так... Нет, не получится. А пускать булат на сверла слишком дорого. Да и где его взять?

Да, проблема. Где ж мне взять хорошую сталь? Будем думать.

— Ладно, поехали обратно. Будем вместе решать наши проблемы.

Мы отправились в город. Скоро опять уже были в кабинете ратуши. По пути я кое-что все-таки придумал.

— Курт, принеси мне всю бумагу из кабинета бургомистра и свинцовый карандаш, — сказал я, усевшись за стол. — Хайнц, присаживайся рядом. Так, Хайнц, слушай меня внимательно. Все, что ты от меня услышишь, должно остаться тайной. Если узнает кто посторонний, повешу и тебя, и всю твою семью. Сколько у тебя детей?

— Четверо. Три сына и дочь, — насупившись, ответил он.

— Ну вот и не забывай о них. Первое. Ты мне отольешь три кулеврины из бронзы. Пока из бронзы. Потом будешь лить из стали.

— Это невозможно... — возразил он и тут же получил подзатыльник от Курта.

— Не смей перебивать господина барона! — рявкнул он на кузнеца.

— Успокойся, Курт. Так вот, Хайнц: это возможно. Потом я тебя научу. Но сначала — кулеврины из бронзы. Они мне

нужны срочно. Но не такие, как та, что ты уже отлил, а немного другие.

И я нарисовал ему шуваловский «единорог» с конической зарядной камерой. Калибром в шесть дюймов и длиной ствола в десять калибров. Нарисовал также колесный лафет.

— Вот эта тележка называется «лафет». Его детали закажешь по отдельности у разных плотников. Потом сам с подмастерьями соберешь. Все это надо сделать быстро. У тебя сыновья взрослые?

— Да. Все они — мои подмастерья.

— Вот и хорошо. Кто из них лучше всего соображает в металлообработке?

— Средний, Дитмар. Он и работает на станках. У него лучше, чем у меня, получается, — ответил он с гордостью.

— Прекрасно. Потом познакомишь меня с ним. Дальше. Как тебе получить хорошую сталь для инструмента... В своей печи поменяешь мехи на большие. Приспособишь к ним колесо, к колесу — лошадь или мула. Смотри...

Я нарисовал ему систему передач от горизонтального колеса к вертикальному и кулачковый вал для привода мехов.

— Удлинишь трубу у своей печки на пять-шесть футов. Понимаешь зачем?

— Конечно, чтобы жар в печи поднять.

— Именно. Потом закажешь у горшечника тигли, то есть горшки из тугоплавкой глины. В форме цилиндра с крышкой. В крышке должны быть отверстия.

Я снова взялся за карандаш. Нарисовал ему тигли с указанием размеров. Описал ему также всю технологию варки стали в тиглях. И как дробить руду, уголь и доломит, и до каких размеров, и как смешивать. В общем, все, что помнил. Для него это было настоящее откровение. Да, правильно говорят: все новое — это хорошо забытое старое. О таком способе еще Аристотель писал в своих трудах за четыре века до рождения Христа. А Хайнц смотрит на меня открыв рот.

— И что из этого получится, ваша милость?

— А получится у нас булатная сталь. Индусы именно из такой стали куют свои знаменитые клинки.

Хайнц аж подпрыгнул. И Курт с большим интересом стал прислушиваться к нашему разговору, а то прежде совсем заскучал.

— Можно вместо руды использовать мягкое железо, тогда плавка пойдет быстрее. Часа за четыре. А вот с рудой — не

знаю, надо все проверять опытным путем. С одного горшка будет получаться стали немного — восемь-девять фунтов, но на хороший инструмент хватит.

— Ваша милость, вы озолотитесь! Такая сталь стоит по весу золота...

— Поэтому и предупредил тебя, чтобы язык держал за зубами.

— Да, ваша милость, — проговорил Курт, — а я все удивлялся, что это вы постоянно в библиотеке сидите. Теперь вижу, что и от книжек есть толк.

— Есть, Курт, есть. Дальше, Хайнц. Можно добавлять еще немного марганца. Это такие кристаллики, которые, растворяясь, делают воду красноватой. Поищи, может, у аптекарей есть. Когда получишь хорошую сталь, извести меня.

— Спать не буду, ваша милость, но сделаю.

— Хорошо. Дальше. На берегу реки построишь еще одну печь, чтобы привод мехов был от водяного колеса. Если надо еще земли — бери. Но печь построишь немного по-другому. Высотой четырнадцать-пятнадцать футов. Вот смотри...

И я нарисовал ему конструкцию простейшей доменной печи. Ну, не такой простой, какой китайцы пользовались еще тысячу лет назад, а века восемнадцатого-девятнадцатого. Но тоже ничего сложного. До простой домны европейцы дойдут лет через семьдесят—восемьдесят. Это если без меня. Но теперь — быстрее. Домну не спрячешь. Увидят и разберутся. Для специалиста и издали все понятно будет. Но вот как из чугуна получать сталь — это пусть еще попробуют догадаться.

— В этой печи мы будем варить чугун, то есть свиное железо. Очень хорошего качества. А вот как из свиного железа быстро получать хорошую сталь, я тебе потом расскажу. У тебя и так заданий много. На строительство печи своих людей не отвлекай, только на доводку. Людей возьми у Циммермана. Скажешь, что я велел. И не стесняйся — сколько надо, столько и бери. Помни, что все надо делать быстро. И не экономь. Все расходы я возьму сразу. Иди пока. Если что будет неясно — приходи, тебя всегда ко мне пропустят.

Кузнец вскочил, схватил листки и умчался. Ну, теперь точно спать не будет. Фанатик. Хотя настоящий мастер таким и должен быть.

За окном уже начало темнеть.

— Пойдем-ка, Курт, проведем нашего счетовода.

Мы с ним прошли в кабинет бургомистра, вернее, теперь уже кабинет Гюнтера. Он сидел за столом с отсутствующим выражением лица.

— Ау, Гюнтер, очнись.

Он тут же вскочил:

— Ваша милость, я никогда в жизни не видел столько денег.

— Еще и не то увидишь, — ответил я ему, садясь на стул. — Присаживайся, Курт. Будем вместе думать думать, как нам избежать встречи с безносой, что с косой. Так сколько там, Гюнтер?

— Если все перевести в любекские гульдены, то двадцать три тысячи четыреста пятьдесят семь золотых гульденов. Но золота немного. Всего три тысячи пятсот тридцать. Остальное — серебро.

— Ну что ж, неплохо. Мы этим деньгам применение найдем. Я хотел с вами поговорить о другом. Как думаешь, Курт, когда нас убивать придут?

— Не раньше сентября. Пока урожай не соберут — не придут.

— Точно? А мои вассалы? Они ведь понимают, что я предательства не прощу.

— Эти могут и раньше заявиться, но вряд ли. По одному они не пойдут, а чтобы пойти вместе, им еще договориться надо. А они друг друга не очень-то любят. Но договорятся, конечно. Но пока будут договариваться, подойдет время сбора урожая. Сначала овощей, а потом и зерна. А без ополчения они не пойдут. А все ополчение — на полях. Нет, раньше сентября не заявятся. Но на всякий случай я пошлю людей в их деревни. Поговорят там с крестьянами. Если что — предупредят.

— А мои родственники и соседи?

— Эти тоже не раньше сентября. Если только кто особо наглый решит малыми силами нас взять. Но о таких и говорить не стоит.

— Ясно. Значит, два — два с половиной месяца у нас есть. Выходит, к сентябрю мы должны быть полностью готовы. Какие мысли на этот счет?

— Набрать наемников. Деньги у вас есть, — предложил Гюнтер.

— Ага, и они нам за эти деньги потом глотки и перережут. Нет, это не выход. Значит, так. Курт, завтра с утра поговори с

нашими людьми, пусть они пошатаются по городу, посидят в кабаках и везде пусть рассказывают, что барон набирает себе кнехтов. Кто придет, тот освобождается от штрафа и получать будет на время учебы по два пфеннига в день, а потом и по три, а некоторые, кто посообразительнее, — и по четыре. Обмундирование и кормежка — с барона. Но принимать будут только молодых ребят от пятнадцати до двадцати пяти лет. И здоровых, без всякой заразы. Я думаю, пойдут.

— Еще как пойдут. Отбиваться будем...

— Вот ты и будешь. Станешь руководить набором. Но отбирай только здоровых и не особенно тупых. Пусть будут недокормленные, не страшно — откормим. Гюнтер, а ты не знаешь, сколько жителей всего в городе?

— Если верить податной книге — две тысячи семьсот девяносто три человека.

— Ну, с сотню мы покрошили... Так что примерно две тысячи семьсот. Это еще около двадцати семи тысяч гульденов. А если учесть, что некоторые должны заплатить двойной и тройной штраф, то тысяч двадцать восемь выйдет.

— Вы думаете, заплатят? — усомнился Гюнтер.

— Уверен. В течение пары месяцев. Я им обещал восстановить статус города. Согласно эдикту Фридриха Второго от тысячи двести тридцать второго года, имею право. Но вот восстановить их привилегии — не обещал.

— Да, хитро. Я тоже думаю, что заплатят. Но потом опять начнут просить привилегии.

— Пусть просят. Да, Гюнтер, разошли людей по нашим деревням, пусть тоже расскажут о наборе. Курт, а тебе и твоим людям надо будет из всего этого сделать бойцов. Настоящих кнехтов за два месяца по-любому не получится, но хотя бы держать строй и не пораниться самому и не поранить соседа они должны уметь. И отмечай самых сообразительных, они мне потом понадобятся. И еще. Гюнтер, отсчитай всем нашим кнехтам по десять гульденов. И тем, что оставались в замке, тоже. Если у убитых есть родственники, то передать им. Курт, проследи. Гюнтер, а Курту выдай полсотни.

— Ну все, господин барон, завтра к вечеру тут будет толпа добровольцев.

— Ну и хорошо. Будет из кого выбрать. Нам нужно сотни три.

— Ого, целое войско!